

Воскобойников О. С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 559 с.

Недавно изданная книга О. С. Воскобойникова посвящена одному из самых необычных европейских регионов первой половины XIII в. – Южной Италии, месту пересечения, взаимовлияния и сосуществования множества культурных традиций (исламской, иудейской, христианской в ее католическом и православном вариантах). Структура исследования, как представляется, подчинена желанию рассмотреть значимые для истории европейской культуры события, имевшие место в этом регионе в XIII в., сквозь призму судьбы и наследия конкретного исторического персонажа – императора Фридриха II, потомка немецких Штауфенов и норманнских королей Сицилии. С одной стороны, перед нами открывается картина формирования мировоззрения Фридриха II, с другой – подробно освещаются важнейшие тенденции в развитии науки и искусства, которые улавливал и на которые оказывал влияние этот средневековый государь. Книга Воскобойникова – история целой эпохи, небольшой, но значимой, и ее отражения в познавательной деятельности отдельной личности, на что косвенно указывает название «Душа Мира». Это словосочетание отсылает внимательного читателя к разработанному еще в XII в. представителями Шартрской школы учению о душе мира, усвоенному другим историческим персонажем, играющим в книге, пожалуй, не меньшую

роль, чем Фридрих – его придворным астрологом Михаилом Скотом. По мнению Воскобойникова, Скот считал, что «душа человека аналогична душе мира, что она призвана давать суждения о небесных знамениях, “познавая силу души и естественную комплекцию небесных тел” и сравнивая их с душой человека и с делами земными» (с. 394).

При определенной «биографичности» своего исследования, Воскобойников стремится не следовать существующей в европейской историографии традиции, в основном акцентирующей внимание на биографии и политической деятельности Фридриха. Главной темой книги становится индивидуальная интеллектуальная стратегия, выработавшаяся Фридрихом II путем мобилизации всех доступных императору ресурсов. Не случайно за названием «Душа Мира» следует подзаголовок: «Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II». Данная фраза отражает междисциплинарный характер исследования, неизбежный при выборе столь многогранной темы. Предполагая наличие определенных связей между научной деятельностью, художественной жизнью и политической деятельностью при дворе Фридриха Штауфена, Воскобойников пытается выявить сущность подобного триединства, дать объяснение формированию новой картины мира и существованию новой фазы вос-

приятия античного наследия в рассматриваемый период. Автор видит свою задачу в том, «чтобы найти силовые линии, определившие новый взгляд на мир во всех сферах жизни человеческого духа, возникший в Сицилийском королевстве при дворе Фридриха II Штауфена» (с. 12). Несмотря на некоторую терминологическую специфичность присутствия в современном историческом труде такого кантианско-гегельянского понятия, как «жизнь человеческого духа», задача исследования, в целом, поставлена достаточно четко и с впечатляющей масштабностью. Автор опирается на широкий круг источников, в том числе недостаточно изученных и неопубликованных. Основное внимание уделяется научной литературе, появившейся при дворе Фридриха II, прежде всего, созданной последним «Книге об искусстве соколиной охоты». Тщательному анализу подвергаются сохранившиеся иллюстрированные рукописи научных трудов и другие памятники искусства штауфенского времени. Не ограничиваясь характеристикой иконографии, стиля и художественных достоинств изучаемых образцов «фридрихианского» искусства, обычной для историка искусства, Воскобойников исследует взаимодействие и взаимовлияние текста и миниатюр, соотносит античные образцы и современные Фридриху скульптуры как средство эстетической саморепрезентации власти.

Реконструкция той интеллектуальной атмосферы, в которой формировалось мировоззрение Фридриха II, построена на гипотетических (что неоднократно подчеркивает автор книги), но вполне логичных допущениях. В частности, Воскобойников видит в «Романе об Александре», произведении, типичном для круга

чтения средневекового аристократа и будущего правителя, важный источник стремления к познанию мира и законов его существования, которое он обнаруживает в герое своего исследования (с. 24–36). В контексте масштабных административных преобразований Фридриха в Сицилийском королевстве освещаются реформы в области образования, в том числе реорганизация неаполитанских школ, получивших статус университета; отмечается тесная связь судеб университета с коллизиями политической борьбы на территории Италии; дается характеристика выдающихся ученых, участвовавших в создании и деятельности университета (с. 44–63). Воскобойников находит возможным говорить о полноценной культурной политике, проводившейся Фридрихом II, тесной связи университета «с личностью своего создателя и с его государством» (с. 62). Изучая полулегендарную традицию, складывающуюся вокруг личности Фридриха уже при его жизни, автор книги находит в ее сюжетах свидетельства неординарной любознательности императора, толкавшей его на проведение разнообразных экспериментов (с. 63–72).

Отдельно анализируются научные и политические контакты Великой Курии и лично Фридриха с исламским миром, в том числе ученые дискуссии, в которых «рождались современные представления о науке» (с. 82). Большое значение придается автором так называемым «Сицилийским вопросам», яркому полемическому сочинению, содержащему ответы шейха ибн Сабина на пять вопросов философского и религиозного характера, якобы заданных мусульманскому мыслителю самим Фридрихом II (с. 77–86). Содержание

этих вопросов, создававших образ императора – радикального аверроиста и эпикурейца (в средневековом понимании), является, по предположению Воскобойникова, скрытым, но важным стимулом низложения Фридриха папой Римским в 1245 г. (с. 86–93). С точки зрения истории идей, как культурно-политические манифесты, формировавшие «символический интеллектуальный образ» Фридриха (с. 103) в его противостоянии с папством, рассматриваются письмо Болонскому университету 1232 г. и пролог к «Мельфийским конституциям» Фридриха 1231 г. (с. 93–103). Из этого следует закономерный вывод о возможности политического использования и прочтения идей аристотелизма и аверроизма (с. 135–136).

Обращаясь к «Книге о частных», второй части труда Михаила Скота «Введение», Воскобойников справедливо отмечает некоторую односторонность истолкований ее текста Ч. Хаскинсом и Э. Канторовичем, воспринимавших сочинение Скота как точную передачу новаторских по природе вопросов его августейшего покровителя. Автор приходит к заключению, что список вопросов в значительной степени создавался ради соответствия «модели просвещенного государя» и что «вопросы Фридриха II в передаче Михаила Скота глубоко укоренены в традициях средневекового естествознания и христианской экзегетики», являясь достаточно традиционными для своего времени (с. 111, 114). Традиция научных диспутов, одна из определяющих особенностей эпохи Высокого Средневековья, становится для автора книги своеобразным «ключом» к постижению мировоззрения Фридриха и жизни его двора: сперва – страсть к спорам в детстве

(с. 23–24), впоследствии – привлечение ученых иудеев к научным спорам (с. 115–129) и диспут с математиком Леонардо Фибоначчи (с. 129–134). Устный диспут воспринимается как равноценный тексту «механизм передачи культурного наследия и научных интересов Фридриха II» (с. 135).

Во второй главе книги автор резко меняет методологический подход, от пестрой мозаики сюжетов переходя к разностороннему основательному анализу одного источника – «Книги об искусстве соколиной охоты». Применяя инструментарий историка литературы, искусства и науки, Воскобойников впервые в существующей историографической традиции пытается рассмотреть привлекавшую внимание многих авторов «Книгу» в контексте всей научной жизни двора Фридриха II. По мнению автора, Фридрих стремился повысить престиж «искусства охоты», непосредственно подчиняя его «науке о природе» (с. 158–159), что очень показательно на общем фоне развития естественных наук в XIII в. Подробно описывая повадки и анатомические особенности птиц, Фридрих опирался на собственный опыт охотника и ученого-экспериментатора, полемизируя с авторитетом Аристотеля (с. 160–166). Путем сравнительного анализа двух иллюстрированных рукописей «Книги» (латинской и французской редакций) Воскобойников рассматривает их иконографию, миниатюры орнитологического характера, связь между текстом и миниатюрой, в которой неожиданно важное значение приобретают маргиналии на полях рукописи, и приходит к выводу, что Фридрих II и его наследник Манфред прекрасно понимали «неразрывную связь текста и изображений» (с. 202).

Автор не ограничивается анализом миниатюр, обращаясь и к другим произведениям «штауфенского» искусства, совершая, таким образом, осторожную, но смелую вылазку в область истории искусства. Но все же именно исторической, а не искусствоведческой эту часть книги делает принципиальное желание исследователя соотнести именно личность императора, его мировоззрение с создававшимися в его время памятниками изобразительного искусства (с. 206) – архитектурными (замки) и скульптурными, в том числе предполагаемыми портретами Фридриха, изваянными из камня. Воскобойников считает возможным говорить о влиянии на «фридрихианское» искусство не только античных образцов, но и еще сохранявшейся в Южной Италии византийской художественной традиции (с. 243–247). «Книга об искусстве соколиной охоты» и памятники «штауфенского» искусства становятся в интерпретации автора книги как средством репрезентации императорской власти, так и эстетизированным воплощением научных взглядов Фридриха, эмпиризма его мышления.

В третьей и последней главе речь идет главным образом об астрологии как одной из средневековых наук о природе, приобретающей особое значение при дворе Фридриха II и связанной, прежде всего, с именами Михаила Скота и Феодора Антиохийского. Чтобы объяснить доминирование астрологии при штауфенском дворе, автор обращается к ряду неизданных документов. Рассматривая латинскую иллюстрированную астрологию Георгия Фендула, Воскобойников вновь обращает внимание на связь между текстом астрологической рукописи и ее миниатюрами, содержащими

сюжеты астральной иконографии. До сих пор неизданное сочинение Михаила Скота «Введение» подробно анализируется как важный источник космологических представлений, включая систему небесной иерархии (усложненную по сравнению с иерархией Алана Лилльского, созданной в XII в.), структуру небес и движение сфер, «подлунный» мир, т. е. землю, и причастного божеству человека. В результате возникает картина мира, «доступного познанию астролога, созданного и существующего для человека, действующего по аналогии с работой человеческого тела и души», «все богатство которого, как в зеркале, отражается в человеке» (с. 382, 396).

Наконец, автор обращается к истории тела и истории медицины, говоря об астрологической медицине, гигиене и физиогномике в Южной Италии. Он считает возможным говорить о возникновении в штауфенской Южной Италии «новой для западноевропейского общества “культуры тела”, нового “культы природы”» (с. 436). Воскобойников рассматривает медицинскую традицию Салернской школы, связанные с медицинскими вопросами законы Фридриха II (например, закон «О защите чистоты воздуха») и опять же «Введение» Михаила Скота. Автором также привлекается трактат Адама Кремонского «Кодекс здоровья, маршрут и цель паломников», очевидно, созданный для Фридриха II перед крестовым походом императора в 1227–1228 гг., и потому уделяющий много внимания правилам гигиены и питания в жарком климате. Воскобойников анализирует текст и иллюстрации оригинальной поэмы Петра Эболийского «Названия и достоинства целебных источников Поццуоли

и Бай», впервые публикуемой в приложении (подготовка латинского текста О. С. Воскобойникова, перевод А. Ю. Виноградова). Изначально задуманная иллюстрированной, поэма не просто предоставляет сведения об отношении к оставшимся с римских времен термальным источникам, но и содержит интереснейший набор символов и эстетических находок. Для характеристики «культуры тела» и «культы природы» Воскобойников использует не только книги, но и источники другого порядка: например, сады и парковые комплексы (с. 436–437).

Книга Воскобойникова является плодом многолетних исследований и в полной мере отвечает двум важнейшим тенденциям в развитии исторической науки второй половины XX – начала XXI в.: выработке принципиально новых подходов в изучении источников (особенно изобрази-

тельных) и продолжению поиска и издания недостаточно изученных или вовсе не изученных текстов. Хорошее знание источников и умеренное новаторство – при уважении к авторитету выдающихся историков науки, искусства и литературы прошлого века (Канторовичу, Хаскинсу, Панофскому и др.) – позволило автору создать во многом гипотетическую, но интересную и всеохватывающую картину интеллектуальной жизни при дворе Фридриха II. Уязвимым местом этой яркой реконструкции остается только ее целостность: изложение порой рассыпается на ряд отдельных мелких сюжетов, заставляя на время забыть о поставленных автором основных задачах. Однако, если принять во внимание широту затрагиваемых тем, эта техническая особенность вполне объяснима и сознательно допускается автором (с. 139).

Ф. М. Панфилов

Корзухина А. М. От просвещения к науке. Физика в Московском и С.-Петербургском университетах во второй половине XIX в. – начале XX в. Дубна: Феникс+, 2006. 264 с.

Метод и результаты исследования Анастасии Михайловны Корзухиной важны не только для истории физики – желательно, чтобы с ними познакомился как можно более широкий круг историков науки. Подход автора характеризует стремление проследить, каким образом в дореволюционной России исторически менялись представления о роли профессора и ученого, – даже в профессиональных исторических работах эти понятия часто употребляют в их относительно современных значениях. Можно сказать, несколько упрощая для краткости изложения, что в

XVIII в. профессорам вовсе не вменялось в обязанность обогащать науку собственными исследованиями. В университете, страдавшем от острой нехватки студентов, типичный профессор читал на латыни лекции узкому кругу слушателей и публиковал в лучшем случае общую речь о пользе просвещения, произнесенную по торжественному случаю в присутствии высокопоставленной особы. К концу XVIII в. лекции читались уже по-русски, и недостаток желающих учиться перестал быть серьезной проблемой. В своих печатных работах профессор обращался уже не столько к началь-